

30 лет торгово-инвестиционного сотрудничества между Россией и Южной Кореей

Коргун И. А.¹

¹ Центр российской стратегии в Азии Института экономики РАН, Москва, Россия

Исследование направлено на анализ результатов торгового и инвестиционного сотрудничества между Российской Федерацией (РФ) и Южной Кореей в течение 30 лет, с момента установления в 1990 г. дипломатических отношений.

Цель. Проанализировать основные тенденции в товарных и инвестиционных потоках между двумя странами, чтобы выявить основные характерные черты двустороннего сотрудничества за 30 лет.

Задачи. Определить основные этапы двустороннего сотрудничества, оценить исходные условия, в которых оно зарождалось, и изменение этих условий во времени; выявить особенности товарной торговли между двумя странами; проанализировать региональную структуру инвестиций; охарактеризовать возможные направления активизации сотрудничества.

Методология. Автором применялись системные методы статистического анализа торговли и инвестиций, синтез информации из различных источников, в том числе общенаучные методы индукции и дедукции.

Результат. В ходе исследования выявлены общие тенденции развития торговли между странами. В частности, установлено повышение степени концентрации торговых потоков на нескольких товарных позициях как со стороны России, так и со стороны Кореи. Выявлены диспропорции, связанные с размерами инвестиций, их направленностью и характером бизнеса, вовлеченного в сотрудничество. Сделан акцент на асимметричности в степени вовлеченности государства в двусторонние экономические отношения.

Выводы. Для активизации сотрудничества важно создавать механизмы и институты, которые могли бы обслуживать двусторонние торговые и инвестиционные потоки вне привязки к третьим странам.

Ключевые слова: Россия, Южная Корея, торговля, инвестиции, двустороннее сотрудничество.

Для цитирования: Коргун И. А. 30 лет торгово-инвестиционного сотрудничества между Россией и Южной Кореей // *Экономика и управление*. 2020. Т. 26. № 10. С. 1048–1059. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-10-1048-1059>

30 Years of Trade and Investment Cooperation between Russia and South Korea

Korgun I. A.¹

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (IE RAS), Moscow, Russia

The presented study analyses the results of trade and investment cooperation between the Russian Federation and South Korea over the past 30 years — since the establishment of diplomatic relations in 1990.

Aim. The study aims to analyze major trends in commodity and investment flows between the two countries to identify the main features of bilateral cooperation over 30 years.

Tasks. The author identifies the main stages of bilateral cooperation; assesses the initial conditions at the time of its origin and how these conditions changed over time; identifies the features of merchandise trade between the two countries; analyzes regional investment structure; describes possible ways to enhance cooperation.

Methods. This study uses systematic methods of statistical analysis of trade and investment, synthesis of information from various uses, including general scientific methods of induction and deduction.

Results. The author determines general trends in the development of trade between the countries — in particular, the increasing concentration of trade flows in several commodity categories, both from Russia and from Korea. Disproportions associated with the amount and orientation of investment and the nature of the business involved in cooperation are identified. Emphasis is placed on the asymmetry in the degree of government involvement in bilateral economic relations.

Conclusions. To enhance cooperation, it is important to create mechanisms and institutions that could serve bilateral trade and investment flows without reference to third countries.

Keyword: *Russia, South Korea, trade, investment, and bilateral cooperation.*

For citation: Korgun I.A. 30 Years of Trade and Investment Cooperation between Russia and South Korea. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2020;26(10):1048-1059 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-10-1048-1059>

Введение

С момента установления дипломатических отношений 30 сентября 1990 г. экономическое сотрудничество стало одной из наиболее динамично развивающихся сфер российско-корейских отношений. Обе страны приложили значительные усилия, чтобы оборот двусторонней торговли превысил отметку 25 млрд долл. США в 2018 г. и чтобы реализовать крупные инвестиционные проекты на территории России, связанные с заводом Hyundai в Ленинградской области, заводами по производству бытовой техники Samsung и LG в Калужской области, производством продуктов питания компании Yakult, табачным производством компании KT&G.

Переговорная повестка с самого начала также включала в себя трехсторонние мегапроекты, направленные на вовлечение в сотрудничество Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР). Прежде всего речь идет о проектах соединения Транссибирской и Транскорейской магистралей, создании комплексной энергосистемы в Дальневосточном регионе России, вблизи реки Туманной, где пересекаются границы России, Китая, КНДР, с возможностями для подключения к данной системе обеих Корей. Эти проекты призваны решать более комплексные задачи, выходящие за пределы двустороннего и даже трехстороннего сотрудничества, так как нацелены на то, чтобы способствовать стабилизации геополитической ситуации в регионе Северо-Восточной Азии.

Однако практическая реализация подобных мегапроектов осложняется многоуровневыми разногласиями: между КНДР и США, КНДР и Японией, КНДР и Республикой Корея. Поэтому они остаются задачами на будущее. Подробное рассмотрение данных проектов выведено за рамки настоящей статьи, сфокусированной на основных тенденциях двустороннего сотрудничества.

Условия, в которых шло становление российско-корейского экономического сотрудничества, в первой половине 1990-х гг. заметно отличались от условий 2000-х гг., характеризовавшихся экономическим подъемом в России и ускорением темпов роста мировой экономики в целом. В начале 1990-х гг. Россия решала

задачи перехода от социалистической системы управления экономикой к капиталистическому укладу. Перестройка основ национального хозяйства требовала масштабных инвестиций в модернизацию промышленности и ее адаптации к условиям конкуренции на международных рынках, внедрения новых технологий, а также управленческих навыков [1, р. 73]. Данная программа реформ обусловила восприятие Кореи, с одной стороны, в качестве источника технологий и капитала, с другой — как рынка сбыта для российских природных ресурсов. В России возлагались надежды на совместные проекты, позволившие бы российскому бизнесу в короткие сроки адаптироваться к работе в условиях рыночной экономики.

У Южной Кореи были свои цели для установления отношений с Россией. В 1990-е гг. Корея, только завершившая переход к демократии, запустила программу глобализации собственной экономики [2, р. 43]. Эта программа делала основной упор на повышение доли международных операций корейского бизнеса, расширение присутствия на новых рынках, а не только на рынках традиционных партнеров стран Запада, чтобы стимулировать рост собственной экспортоориентированной промышленности и продвижение по технологической лестнице. Для облегчения достижения поставленных целей корейское правительство упрощало регулирование торговых операций, открывало новые возможности финансирования международной деятельности корпораций, стимулируя бизнес к интернационализации [2].

В свете указанных задач дипломатические отношения с Россией вписывались в экономическую стратегию развития Кореи, поскольку открывали доступ на ее внутренний рынок, а также предоставляли возможность изучить рынки других постсоциалистических государств для их последующего освоения. Дополнительными стимулами присутствия выступали возможности доступа к ресурсам и технологическим разработкам [3, р. 201].

Однако обеим сторонам не удалось реализовать свои ожидания в 1990-е гг. по причинам общеэкономического характера. Стороны не приняли во внимание сложности переходного периода. И Россия, и Корея адаптировались к новым экономическим условиям более ли-

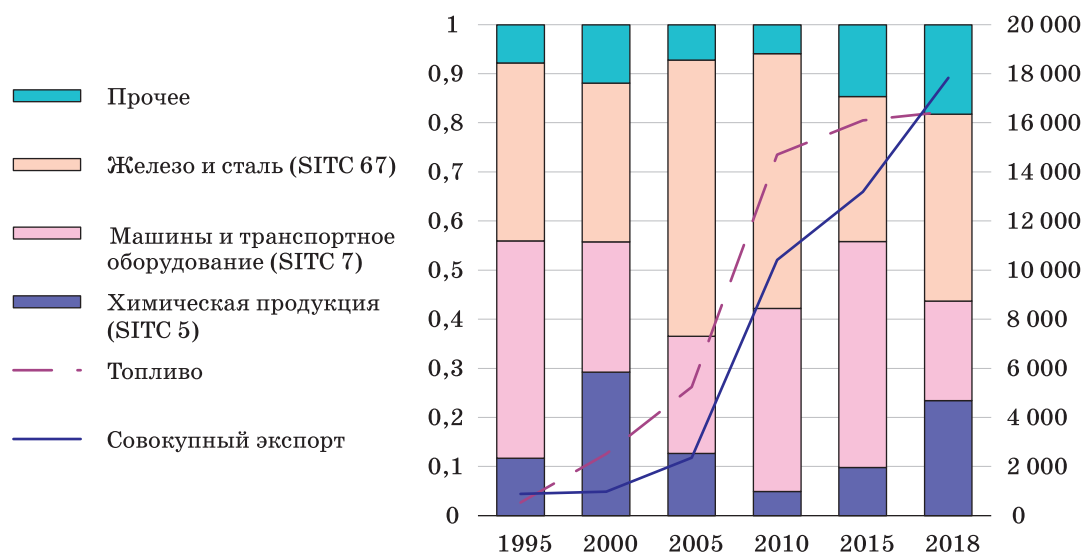

Рис. 1. Динамика совокупного объема (правая шкала) и товарная структура российского экспорта в Корею (левая шкала) в 1995, 2000, 2005, 2010, 2015, 2018 гг.

Источник: составлено автором на основании данных [6].

беральной экономики, сменившей господствовавшую до начала 1990-х гг. авторитарную систему управления. Свои коррективы в двусторонние отношения на первом этапе внесли кризисные процессы: финансовый кризис 1998–1999 гг. в России и азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. в Корее, которые привели к застою в двусторонних отношениях и негативно повлияли на объемы двусторонней торговли. Потребовалось несколько лет, чтобы преодолеть негативные процессы и вывести сотрудничество в фазу динамичного роста. Как представлено на рисунках 1 и 3, именно на середину 2000-х гг. пришелся значительный рост объемов российского и корейского экспорта.

В целом в первое десятилетие, когда отсутствовала соответствующая информационная, законодательная база для обеспечения двустороннего сотрудничества, не было предварительной истории экономического сотрудничества между двумя странами, решения о торговле и инвестициях были оставлены на усмотрение бизнеса [4, с. 27]. При этом корейские компании оказались в более выгодном положении в сравнении с российскими. К середине 1990-х гг. они обрели большой опыт в работе на международных рынках, перешли к стадии интернационализации и превращения в глобальные транснациональные корпорации (ТНК), имели доступ к государственной поддержке в вопросах международной деятельности и в итоге смогли взять на себя инициативу в двустороннем сотрудничестве с Россией. Неосвоенный российский рынок обладал собственным потенциалом, а также мог стать «окном» на рынки других постсоциалистических стран [5]. Россия на начальном этапе зарождения сотрудничества с Кореей

не позиционировала себя в качестве активной стороны инвестиционного процесса, ожидая встречных инициатив.

Торговые отношения между Россией и Кореей

Рассмотрим подробнее основные тенденции динамики российско-корейского торгового и инвестиционного сотрудничества в 1995–2018 гг. За основу для анализа нами взяты данные об объеме и товарной номенклатуре экспортных потоков каждой стороны сотрудничества, публикуемые Комитетом ООН по торговле и инвестициям (UNCTAD). Полные данные с разбивкой экспорта по товарным группам представлены UNCTAD с 1995 по 2018 г. Поэтому статистические показатели динамики российско-корейской торговли будут приведены для этого периода.

Экспорт России в Корею

Как видно на рисунке 1, объем российского экспорта в Корею увеличился — от 878 млн долл. США в 1995 г. до свыше 18 млрд долл. США в 2018 г. При этом основной рост объемов пришелся на период после 2005 г., а особенно после 2010 г. [6]. Начало поставок сжиженного природного газа в сентябре 2009 г. в Сеул ускорило темпы наращивания российского экспорта. Помимо реального увеличения экспортных объемов, на динамику повлиял ценовой фактор: рост мировых цен на энергоносители повысил стоимость российского газа.

Налаживание поставок природного газа являлось одной из главных целей России в сотрудничестве Сеулом с момента установления дипломатических отношений. Это совпадало с ролью поставщика энергоресурсов, которую Россия выбрала себе на мировой арене. На

Баланс торговли между Россией и Кореей, 1995–2018 гг., млн долл. США

	1995	2000	2005	2010	2015	2018
Экспорт Кореи в Россию	1 415,963	788,127	3 864,170	7759,836	4 685,732	7 320,871
Экспорт России в Корею	878,091	972,071	2 359,156	10 407,938	13 196,117	17 824,997
Баланс для России	–537,772	183,944	–1 505,014	2 648,102	8 510,385	10 504,126

Источник: составлено автором на основании данных [6].

Россию приходится 16 % мировой торговли энергоресурсами, она является крупнейшим экспортером (#2 по экспорту нефти, #1 по экспорту газа и #3 по экспорту угля) [7; 8; 9]. Кроме того, Корея была заинтересована в диверсификации поставок энергоресурсов в собственном энергобалансе. Поэтому успешные поставки газа можно рассматривать как совместный успех российско-корейского сотрудничества. Такой успех стоит расценивать не только с точки зрения экономических выгод для двух стран, которые выражаются в диверсификации источников поставок (для Кореи) и рынков (для России). Большое значение имеет тот факт, что был создан прецедент для долгосрочного сотрудничества, подведена соответствующая юридическая база, которая может использоваться в качестве основы для других долгосрочных проектов в будущем.

Начало поставок сжиженного газа дало импульс активному обсуждению в 2011–2013 гг. мегапроекта по строительству газопровода в Республику Корея через территорию КНДР. Практическое осуществление данного проекта, предложенного российской стороной, позволило бы не только Югу стабильно получать сырье, но и создало бы условия для вовлечения Севера в экономический диалог. Однако проект не был реализован по ряду причин, в том числе из-за опасений Сеула в отношении надежности Северной Кореи как участника проекта и неготовности делить риски совместно, а также гарантировать объемы закупок на долгосрочную перспективу, мотивируя последнее волатильностью мировых цен на ресурсы.

Наращивание поставок природного газа позволило России преодолеть дефицит в двусторонней торговле с Сеулом, как показано в таблице 1. С 2010 г. сальдо торгового баланса стабильно складывалось в пользу России, в 2018 г. оно достигло величины 40 % от объема двусторонней торговли.

Однако параллельно с ростом профицита произошли существенные изменения в структуре российского экспорта. На рисунке 1 отражена тенденция к росту ресурсной составляющей экспорта: от 43 % в 1995 г. до 82 % по состоянию на конец 2018 г. Дальнейший анализ структуры экспорта промышленных товаров демонстрирует снижение доли товаров с высокой степенью обработки и, соответ-

ственно, более высокой нормой добавленной стоимости к концу рассматриваемого периода, о чем свидетельствует рисунок 1. В 1995 г. на машины и оборудование приходилось 44 % экспорта. Эта доля неуклонно снижалась, и к 2005 г. она составила 23,9 %. Затем тренд сменился на возрастающий. В итоге доля машин и оборудования увеличилась до 46 % в 2015 г., затем вновь резко опустилась до 20,2 % в 2018 г. На сокращение доли машин и оборудования после 2015 г. могли повлиять санкции Запада в отношении России, которые затруднили финансовое обеспечение сделок. Как отмечает Korgun [3], несмотря на то, что Корея не присоединилась к санкциям Запада против России, она вынуждена соблюдать ряд ограничений на сделки, проводимые через американские банки-посредники.

Таким образом, период с 2005 по 2018 г. был благоприятен для России: происходило расширение экспорта за счет налаживания поставок газа (стратегического актива РФ) и за счет увеличения экспорта технологически интенсивных товаров, хотя оно имело место на протяжении короткого периода. Данные о технологической структуре российского экспорта, представленные на рисунке 2, подтверждают, что после 2010 г. происходило стабильное возрастание доли товаров с высокой технической и технологической интенсивностью (% от экспорта промышленных товаров), как показано в виде черной прерывистой линии на этом рисунке. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) предлагает следующую технологическую классификацию экспорта:

- 1) трудозатратные, базирующиеся на ресурсах — текстиль, одежда, обувь, продукция деревообработки, изделия из камня, керамика, стекло, игрушки, спортивный инвентарь;
- 2) с низкой технической и технологической интенсивностью — черные металлы, металлоизделия, железнодорожная техника, суда и плавсредства, мотоциклы и велосипеды, сантехника, осветительное оборудование;
- 3) со средней технической и технологической интенсивностью — энергосиловое, отраслевое и универсальное оборудование, автотехника, резинотехнические изделия, изделия из пластмасс;
- 4) с высокой технической и технологической интенсивностью — продукты химической

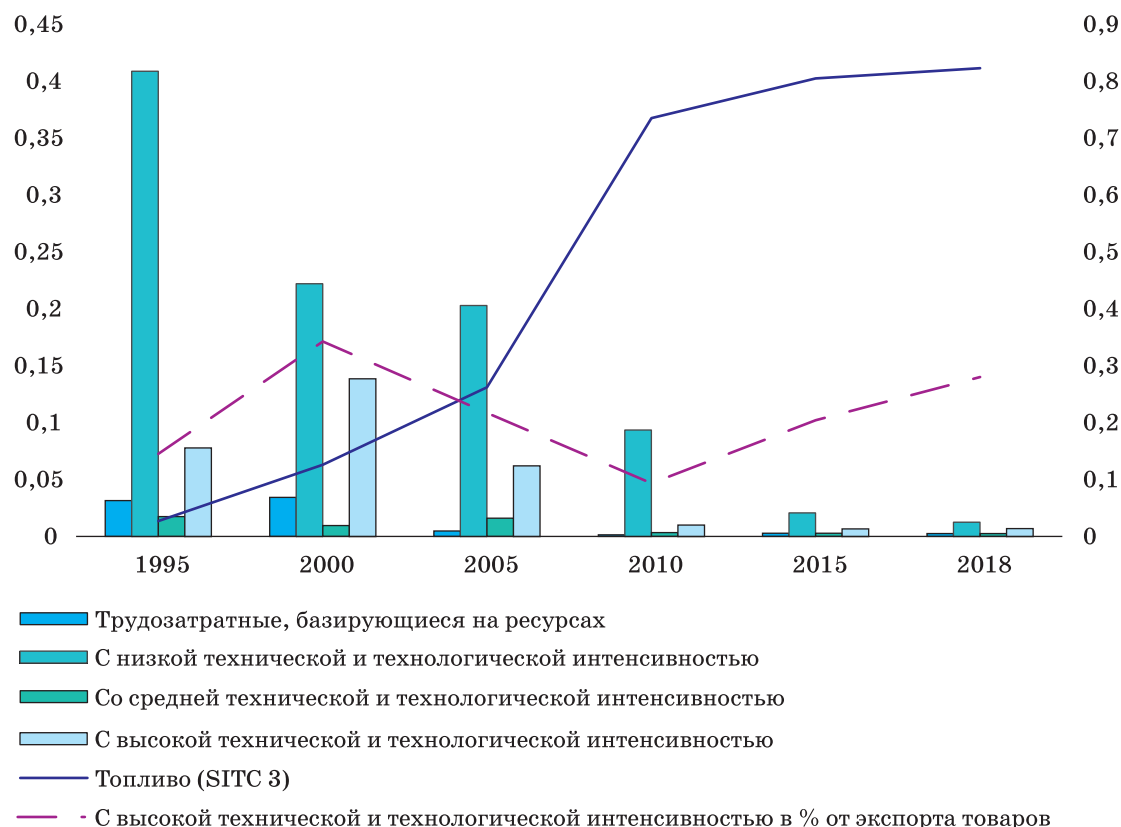

Рис. 2. Структура российского экспорта в Южную Корею в разрезе по технологическим группам товаров в 1995, 2000, 2005, 2010, 2015, 2018 гг.

Источник: составлено автором на основании данных [6].

промышленности, электроника и телекоммуникационное оборудование, оптика, приборы и инструменты [10].

В 2018 г. доля этих товаров достигла 28 % в структуре экспорта. Но в целом в структуре технологических товаров преобладали группы товаров с низкой технической и технологической интенсивностью, о чем говорит рисунок 2. Следовательно, несмотря на позитивный тренд, не произошло структурных изменений качественной составляющей российского экспорта в Корею. Российский экспорт приобрел явную ресурсную ориентацию, что также означает преобладание товаров с низкой степенью переработки.

Экспорт Кореи в Россию

Объем корейского экспорта в Россию увеличился стабильно на протяжении 1995–2018 гг. Его совокупный объем возрос от 1,4 млрд долл. США в 1995 г. до более 7 млрд долл. США в 2018 г., как видно на рисунке 3. В 2013 г. корейский экспорт достиг своего исторического максимума в 11 млрд долл. США, но в 2015 г. сократился на 54 %. Главной причиной снижения стало обесценивание российского рубля по отношению к американскому доллару на фоне введения Западом санкций в отношении России и падения цен на нефть. Снижение стоимости российской валюты привело к тому,

что цена корейских товаров для потребителей в РФ возросла. После 2015 г. корейский экспорт отыграл падение, но не смог преодолеть даже отметку 2007 г., когда он составлял 8 млрд долл. США. Итак, неблагоприятные обстоятельства 2014 г. вернули корейский экспорт на уровень, предшествовавший периоду роста. Санкции спровоцировали ряд событий, негативно повлиявших на расширение корейского экспорта и, следовательно, на общий объем торговли.

Имея существенные различия в части структуры, корейский экспорт сходен с российским в тенденции к концентрации на узком круге товаров, даже доминированию одной категории товаров в структуре экспорта. Как видно на рисунке 3, в 1995 г. Корея экспортировала в Россию в основном товары электроники и комплектующие к ним. К 2018 г. доминирующей категорий поставок стали машины и транспортное оборудование, доля которых в общем экспорте составила 63 %, т. е. из поставщика высокотехнологичных товаров электроники Корея превратилась в поставщика среднетехнологичных товаров преимущественно для автомобильной промышленности. При этом поставки предназначались для корейских инвестиционных проектов.

Изменения в товарной структуре отразились на технологических характеристиках корей-

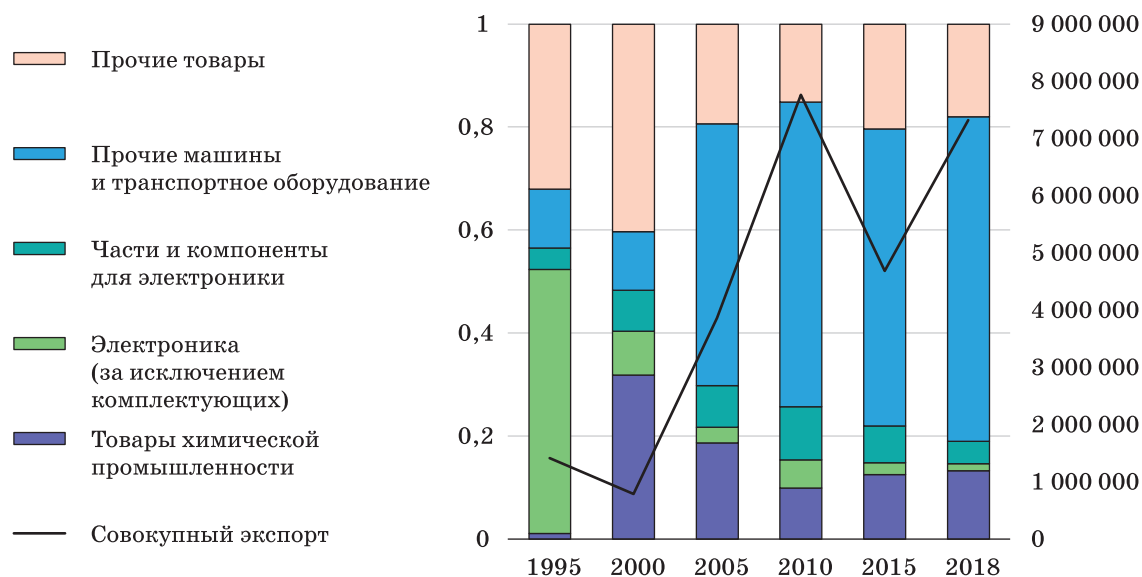

Рис. 3. Динамика совокупного объема (правая шкала) и товарная структура корейского экспорта в Россию (левая шкала) в 1995, 2000, 2005, 2010, 2015, 2018 гг.

Источник: составлено автором на основании данных [6].

ских поставок, как показано на рисунке 4. В 1995 г. на товары с высокой технической и технологической интенсивностью приходилось свыше 50 % корейского экспорта. В 2018 г. их доля была уже в три раза ниже — 17,7 %. Доля товаров со средней технической и технологической интенсивностью возросла — от 15,7 % до 65,6 %. В итоге на российском рынке роль поставщика изменилась (от поставщика высокотехнологичных товаров к поставщику среднетехнологичных) и стала отличаться от той роли, которую страна играет в региональных цепочках стоимости в Азии, где она выступает в качестве поставщика высокотехнологичных товаров. Согласно совместным исследованиям, уже к началу 2010-х гг. Корея заметно улучшила позиции в региональных цепочках добавленной стоимости в Азии, наряду с Японией она является поставщиком высокотехнологичной продукции и комплектующих в соседние страны. К 2017 г. страна только улучшила свои позиции, в том числе за счет углубления производственных связей с Китаем [11; 12].

На изменения в структуре корейского экспорта могли повлиять различные факторы, но, на наш взгляд, одним из основных факторов стали стратегии отдельных корейских бизнес-групп. В 2000-е гг. корейские ТНК последовательно выстраивали и оптимизировали свои глобальные сети производства и дистрибуции [13], и Россия являлась частью этого процесса. Поэтому, принимая решения о формате присутствия на российском рынке, корейский бизнес руководствовался соображениями прибыльности операций и оптимального размера издержек в глобальной системе [3]. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ)

и локализация производства таких компаний, как Samsung и Hyundai, привели к тому, что экспортироваться стали в основном комплектующие, а не готовая продукция.

Инвестиционное сотрудничество между Россией и Кореей

Итак, российско-корейское инвестиционное сотрудничество развивалось преимущественно корейским корпоративным сектором. Однако возможности для этого были предоставлены российским потребительским рынком. Рост доходов населения РФ на фоне преодоления кризисных тенденций 1990-х гг. открыл корейским компаниям возможности для рыночной экспансии. Кроме того, экономическая и политическая стабилизация заметно снизила экономические риски и повысила привлекательность России для инвестиций в целом [4, с. 27]. Эти факторы, а также усиление мировых позиций корейских корпораций способствовали всплеску их инвестиционной активности во второй половине 2000-х гг.

В первой половине 1990-х гг. объем корейских ПИИ в российскую экономику находился на уровне 32 млн долл. США, к 2005 г. он возрос до 38 млн долл. США, а в 2010 г. превысил отметку в 300 млн долл. США, на которой он оставался в течение нескольких лет, как видно на рисунке 5 [14]. В 2015 г. Корея инвестировала в Россию 178 млн долл. США, но по итогам 2019 г. объем поступивших инвестиций составил 42 млн долл. США [14].

Обрабатывающая промышленность РФ была главным реципиентом корейских ПИИ, что характерно для периода рубежа 2010-х гг., о чем свидетельствует рисунок 5. Инвестиционный

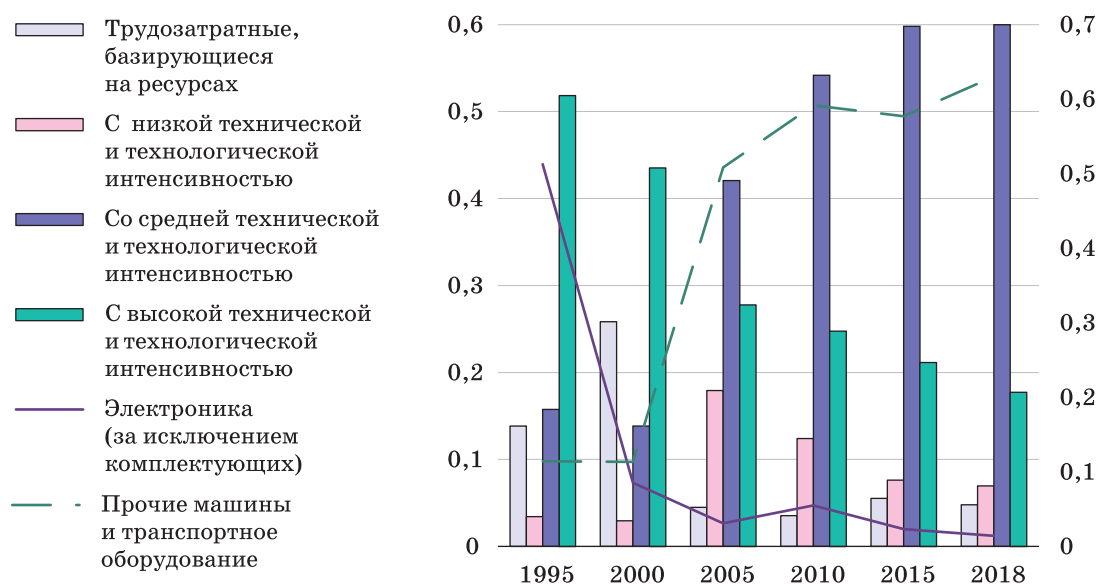

Рис. 4. Структура корейского экспорта в Россию в разрезе по технологическим группам товаров в 1995, 2000, 2005, 2010, 2015, 2018 гг.

Источник: составлено автором на основании данных [6].

Рис. 5. Объем и структура корейских прямых иностранных инвестиций в российскую экономику в 1995, 2000, 2005, 2010, 2015, 2018, 2019 гг., млн долл. США

Источник: составлено автором на основании данных [14].

проект компании Hyundai Motors в Ленинградской области, стартовавший в 2010 г., стал самым крупным корейским проектом в России. Более того, завод по сборке автомобилей компании Hyundai до сих пор остается лидером среди иностранных проектов в автопроме на территории России [15]. Важен и тот факт, что Hyundai привел с собой из Кореи более мелких поставщиков, создав в Ленинградской области собственный производственный кластер [16] и повысив степень локализации производства.

Реализация проекта Hyundai потребовала переориентации структуры корейских экспортных потоков на поставки автомобильных комплектующих, а не готовой продукции.

Аналогично было и ранее, когда локализация производства корейскими компаниями LG в 2006-м г. [17] и Samsung в 2008-м г. [18] привела к снижению удельного веса электроники в корейском экспорте. Вместе с тем с точки зрения корпоративного присутствия данная стратегия была успешна для этих компаний. LG и Samsung стали лидерами в своих сегментах на российском рынке. В 2019 г. Samsung обладал самой высокой долей рынка смартфонов, равной 32 % [19], а LG остается лидером на рынке телевизоров с долей 29 % [20].

В то время как корейские инвестиции в России концентрировались в обрабатывающей промышленности, требующей более долго-

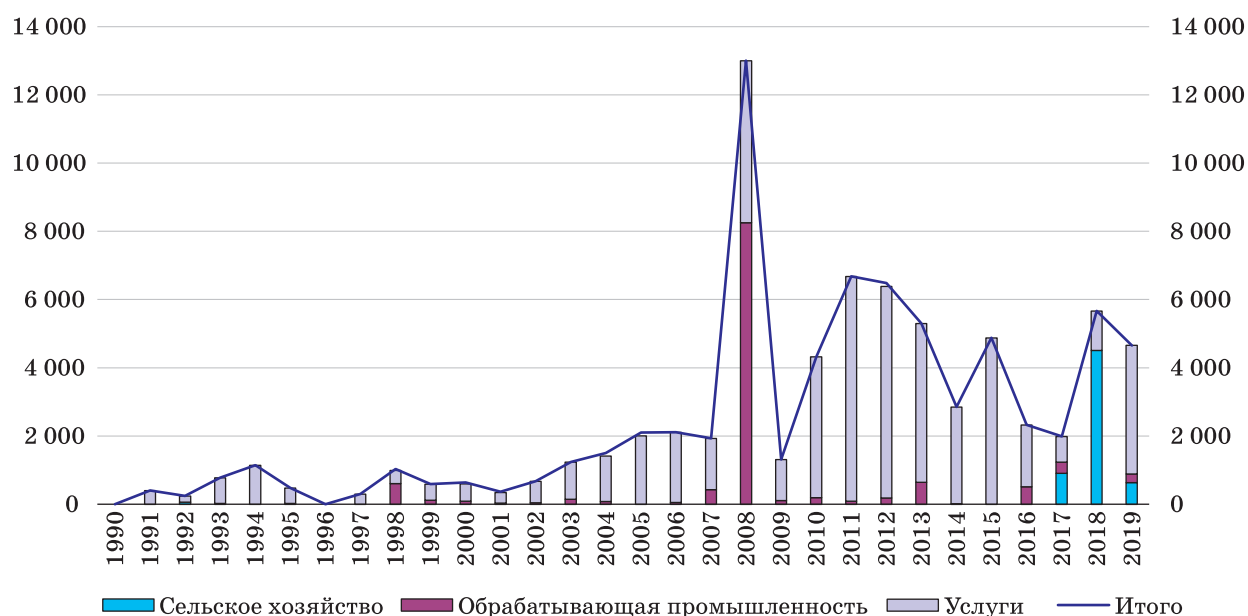

Рис. 6. Объем и структура потоков российских прямых иностранных инвестиций в корейскую экономику в 1990–2019 гг., млн долл. США

Источник: составлено автором на основании данных [21].

срочных вложений, российские инвестиции в Корею были ориентированы в основном на сектор услуг, особенно оптово-розничную торговлю, как видно на рисунке 6. Согласно статистическим данным, публикуемым Корейским министерством торговли, промышленности и энергетики [21], после пика в 13 млн долл. США 2008 г. российские инвестиции в Корею оставались на уровне 2–6 млн долл. США. В 2008 г. зафиксирован единичный проект инвестиций в производство транспортного оборудования, сумма которого составила 8 млн долл. США. В последние три года российской стороной осуществлялись вложения в сельскохозяйственный сектор Кореи. Но в целом приходится констатировать, что объемы инвестиционной активности бизнеса РФ в Корею остаются ограниченными.

Если корейские проекты на территории РФ широко обсуждались ввиду своих масштабов и важности для отраслей и регионов России, в которых они реализовывались, то о российских проектах в Корею известно мало. Данные, публикуемые Корейским министерством экономики, промышленности и энергетики, позволяют получить общую информацию, без детализации о компаниях, которые зарегистрированы в Корею как российские. Существенным недостатком этой информации является и то, что она не фиксирует, когда компании созданы и ведут ли они деятельность в настоящее время. Тем не менее корейские данные дают возможность составить общее впечатление о виде деятельности и региональной концентрации российского бизнеса, дополнить некоторые детали в общей картине.

По состоянию на апрель 2020 г., в статистике Министерства промышленности и торговли РФ присутствуют данные о 183 российских компаниях. Из этого числа 76,5 % компаний оперируют в сфере торговли, многие вовлечены в так называемую неклассифицируемую торговлю, т. е. им не приписываются операции с определенными товарами. Компании, которые зарегистрировали характер торговли, занимаются поставками в Россию поддержанных машин и оборудования, комплектующих, продуктов питания, текстильных товаров, продаж в Корею рыбной продукции. Этот список может быть дополнен данными представительства Корейского агентства по продвижению инвестиций КОТРА в России, отмечающего, что перспективными направлениями торговли являются косметические товары, оборудование для сельского хозяйства и пищевой промышленности, материалов для стоматологии.

Категория «торговля» обширна, поскольку объединяет и компании, занимающиеся исключительно торговлей, и те, для которых торговля — лишь одно из направлений деятельности. Ряд компаний параллельно оказывают услуги ремонта, консалтинга, ведут ресторанный бизнес, вовлекаются в транспортно-логистические операции. Помимо торговли, российский бизнес активен в транспортировке и хранении. Зарегистрировано десять компаний; еще шесть оперируют в ресторанно-гостиничном бизнесе и шесть — в туристической. Туристическая преимущественно ориентирована на оказание услуг медицинского туризма, который появился в середине 2010-х гг. Жители Дальневосточной

го региона приезжали в Корею для получения медицинских услуг различного характера.

Большинство отечественных компаний зарегистрировано в столичном регионе — Сеуле (81) и провинции Кёнги (20). Еще 69 приходится на южный порт Пусан, второй по величине порт страны после Инчхона, по несколько компаний — на Тэгу, Дэчжон, остров Чечжу, провинции Кангвон и Чхунчхон. Связи российского бизнеса с Пусаном созрели в конце 1990-х — начале 2000-х гг., когда бизнесмены Дальневосточного региона наладили поставки рыбной продукции. При заходе в Пусанский порт им необходимы были услуги по ремонту судов, что и объясняет наличие данной категории в составе деятельности ряда компаний. Однако по мере развития двустороннего сотрудничества между странами возникли новые компании, оперирующие в секторе косметики, медицинских товаров, которые ведут деятельность из Сеула.

Итак, можно выявить несколько общих закономерностей, характеризующих российско-корейское инвестиционное сотрудничество. Инвестиции имеют разную стратегическую направленность: российские инвестиции носят более краткосрочный характер, так как сконцентрированы в секторе торговли. Корейские инвестиции — с более долгосрочной направленностью, поскольку они реализуются в промышленности, где сроки окупаемости более длительные. Нельзя не заметить очевидную диспропорцию в размерах компаний, вовлеченных в инвестиционное сотрудничество. Со стороны Кореи инвестиции осуществляются крупным бизнесом, со стороны России — малым и средним.

Последнее обстоятельство может идти вразрез с общим представлением о том, что крупный бизнес занимает ключевые позиции в российской экономике, а также является главным источником российских инвестиций за рубежом. Но сравнительные преимущества России — в ресурсном секторе, а Корея не относится к странам, обеспеченным природными ресурсами. Значимый фактор — относительная закрытость корейского рынка для иностранного присутствия. До вступления России в ВТО в 2010 г. товары российских производителей подлежали более высоким ставкам таможенных пошлин.

Заключение

Таким образом, за 30 лет, начиная с момента установления двусторонних отношений, характер российско-корейской торговли претерпел значительные изменения с точки зрения структуры. Эти изменения, безусловно, наполнили российско-корейское экономи-

ческое взаимодействие, но и одновременно обусловили возникновение определенных диспропорций. Наблюдается асимметричность в степени вовлеченности государства в двусторонние экономические отношения. Государство играет большую роль в случае с Россией, чем в случае с Кореей, поскольку основные экспортные поставки приходится на госкорпорации в энергетическом секторе. Эти корпорации действуют в интересах государства. Поэтому торговля реализуется параллельно с тем, как Россия в целом видит свою глобальную роль.

Данное обстоятельство не означает, что корейское правительство остается пассивным. В частности, в 2017 г. Мун Чжэ Ин объявил инициативу «девяти мостов» [22], которая предполагает активизацию отношений с Россией. Однако не всегда эти инициативы поддерживаются корейским бизнесом. У корейского бизнеса существует своя стратегия работы на российском рынке, которая может не совпадать с видением руководства ее страны. С учетом того, что государство в Южной Корее имеет в целом ограниченное влияние на корпоративный сектор, оно не может повлиять на бизнес при принятии решений о выходе на российский рынок. Оно стимулирует бизнес посредством различных финансово-кредитных мер, но конечное решение остается все-таки за менеджментом корпораций. Поэтому облик корейской торговли определялся конкурентными преимуществами корейского бизнеса на мировых рынках.

Следующая асимметрия связана с тем, что корейский бизнес более активен в инвестиционном сотрудничестве. В данном контексте кроются ограничительные факторы, которые могут негативно повлиять на торгово-инвестиционное сотрудничество в будущем. Во-первых, основные корейские компании уже присутствуют на российском рынке и уже реализовали собственные инвестиционные проекты. Проекты, подобные Hyundai, появятся еще не скоро. Соответственно, объемы инвестиций, вероятнее всего, сократятся. Чтобы обеспечить рост инвестиционного сотрудничества, необходимо вовлекать новых участников из других отраслей. Во-вторых, несмотря на высокий интерес к российскому ресурсному сектору, участие корейского бизнеса в ресурсных проектах на территории РФ будет, по всей видимости, ограничено ввиду особенностей законодательства России, которое отдает предпочтение российским инвесторам. Следовательно, необходимо активизировать иные направления экономического сотрудничества, например, в сфере услуг. В-третьих, низкий объем российских инвестиций также сдерживает развитие двусторонних отноше-

ний. Это следует из положений экономической теории о том, что инвестиции и торговля усиливают друг друга. Низкие объемы российских инвестиций в Корею не генерируют торговые потоки в сферах, не связанных с ресурсами. В-четвертых, несмотря на то, что Корея не присоединилась к санкциям Запада, последние замедляют темпы экономического сотрудничества. Для реализации инвестиционных проектов корейские компании вынуждены использовать американские банки. Но введенные США ограничения на операции с конкретными банками России вызывают осложнения, увеличивают время и транзакционные издержки для бизнеса.

Ситуация, сложившаяся в российско-корейском экономическом сотрудничестве накануне 30-летия, раскрывает слабые стороны двустороннего взаимодействия. Оно оказывается зависимым от институтов, обеспечивающих сотрудничество (банки прежде всего), находящихся в третьих странах. Для активизации экономического диалога требуется создать механизмы и институты российско-корейского сотрудничества. Они могли бы обслуживать двусторонние торговые и инвестиционные потоки вне привязки к другим государствам. Возможно, что решения будут найдены в рамках соглашения о зоне свободной торговли, которое страны начали обсуждать летом 2019 г.

КОРГУН И. А. 30 лет торгово-инвестиционного сотрудничества между Россией и Южной Кореей

Литература

1. *Czinkota M.* Russia's Transition to a Market Economy: Learning about Business // *Journal of International Marketing*. 1997. Vol. 5. No. 4. P. 73–93. DOI: 10.1177/1069031X9700500406
2. *Cherry J.* Globalization in the Kim Young-sam era: Segyehwa and inward foreign direct investment (1993–1997) // *Foreign Direct Investment in Post-Crisis Korea European Investors and 'Mismatched Globalization'*. London, New York: Routledge, 2007. P. 43–68.
3. *Korgun I.* Trade cooperation between Russia and Korea during the period of sanctions 2014–2017: implications for trade policy // eds. by Sutyurin S., Trofimenko O. Y., Koval A. *Russian Trade Policy: Achievements, Challenges and Prospects*. London, New York: Routledge, 2019. P. 201–220. DOI: 10.4324/9780429464041
4. *Сутырин С. Ф., Попова Л. В., Коргун И. А.* Российско-корейские экономические отношения: текущее состояние и перспективы развития // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2014. № 3. С. 27–51.
5. *Lee J. Y., Lee S. C., Hwan J. Y., Lee J. M.* Korean firms investment and future agenda in Russia. Korea Institute for International Economic Policy, 2008. No. 08–15. URL: http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=search_report&nttId=183257 (дата обращения: 01.05.2020).
6. UNCTAD. Statistics. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (дата обращения: 01.05.2020).
7. *Global and Russian energy outlook 2016*. Moscow: ERI RAS; ACRF, 2016. 199 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.eriras.ru/files/forecast_2016.pdf (дата обращения: 01.05.2020).
8. BP statistical review of world energy. 67th edition. London: BP, 2018. 56 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (дата обращения: 01.05.2020).
9. Coal 2018: analysis and forecasts to 2023. IEA. 2018, 153 p. https://doi.org/10.1787/coal_mar-2018-en
10. *Спартак А. Н., Хохлов А. В.* Совершенствование методологических подходов к анализу российского экспорта // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016. № 5. С. 3–15.
11. Technological innovation, supply chain trade, and workers in a globalized world. Global Value Chain Development Report 2019 [Электронный ресурс]. Geneva: World Trade Organization, 2019. 17 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/gvc_dev_report_2019_e_prelims.pdf (дата обращения: 12.05.2020).
12. Trade patterns and global value chains in East Asia: From trade in goods to trade in tasks [Электронный ресурс]. Geneva: World Trade Organization. 2011. 132 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/stat_trade/globvalchains_e.pdf (дата обращения: 12.05.2020).
13. *Lansbury R. C., Suh C. S., Kwon S. H.* The Global Korean Motor Industry: The Hyundai Motor Company's Global Strategy. London, New York: Routledge; 2007. 144 p. (Routledge Advances in Korean Studies. Book 10).
14. Korea Export-Import Bank 2020. Statistical data [Электронный ресурс]. URL: <https://www.koreaexim.go.kr/site/main/index001> (дата обращения: 23.05.2020).
15. Russian Plant of Hyundai Motor Company. Hyundai. 2010. No. 146 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hyundai.com/worldwide/en/company/news/news-room/news/russian-plant-of-hyundai-motor-company-0000000196> (дата обращения: 23.05.2020).
16. *Korgun I.* Investment Cooperation between Russia and the Republic of Korea during 1999–2009: Major Trends and Main Lessons // Liuhto K., Sutyurin S., Blanchard. J.-M.F., eds. *The Russian Economy and Foreign Direct Investment*. London, New York: Routledge, 2017. P. 192–212. (Routledge Studies in the Modern World Economy. No. 161).
17. LG opens new factory in Russia. Korea JoongAng Daily. 2006. Sept 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=2809585&ref=mobile> (дата обращения: 23.05.2020).

18. Samsung Plant in Kaluga to Begin Deliveries of Washing Machines to Europe. Samsung. 2016. Sept. 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.samsung.com/global/samsung-plant-in-kaluga-to-begin-deliveries-of-washing-machines-to-europe> (дата обращения: 23.05.2020).
19. Distribution of the smartphone market sales volume in Russia in 3rd quarter 2019, by brand. Statista. Nov., 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1075459/smartphone-market-share-by-brand-russia/> (дата обращения: 28.05.2020).
20. Weak Ruble Pushes Japanese TV Brands Out of Russian Market [Электронный ресурс] // The Moscow Times. 2016. February 24. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2016/02/24/weak-ruble-pushes-japanese-tv-brands-out-of-russian-market-a51943> (дата обращения: 28.05.2020).
21. Ministry of Trade, Industry and Energy. Statistics on FDI. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.motie.go.kr/motie/py/sa/investstatse/investstats.jsp> (дата обращения: 28.05.2020).
22. Россия и Южная Корея подписали план действий по инициативе «девяти мостов» [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2019. 13 февраля. URL: <https://ria.ru/20190213/1550806495.html> (дата обращения: 28.05.2020).

References

1. Czinkota M.R. Russia's transition to a market economy: Learning about business. *Journal of International Marketing*. 1997;5(4):73-93. DOI: 10.1177/1069031X9700500406
2. Cherry J. Globalization in the Kim Young-sam era: Segyehwa and inward foreign direct investment (1993-1997). In: Cherry J. Foreign direct investment in post-crisis Korea: European investors and 'mismatched globalization'. London, New York: Routledge; 2007:43-68. (Routledge Advances in Korean Studies. No. 13).
3. Korgun I. Trade cooperation between Russia and Korea during the period of sanctions 2014-2017: Implications for trade policy. In: Sutyurin S., Trofimenko O.Y., Koval A., eds. Russian trade policy: Achievements, challenges and prospects. London, New York: Routledge; 2019:201-220. (Routledge Studies in the European Economy). <https://doi.org/10.4324/9780429464041>
4. Sutyurin S.F., Popova L.V., Korgun I.A. Russian-Korean economic cooperation: Current situation and prospects for development. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika = St Petersburg University Journal of Economic Studies (SUJES)*. 2014;(3):27-51. (In Russ.).
5. Lee J.Y., Lee S.C., Hwan J.Y., Lee J.M. Korean firms investment and future agenda in Russia. Korea Institute for International Economic Policy. 2008;(08-15). URL: http://www.kiep.go.kr/sub/view.do?bbsId=search_report&nttId=183257 (accessed on 01.05.2020). (in Korean).
6. UNCTAD. Statistics. 2020. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en (accessed on 01.05.2020).
7. Global and Russian energy outlook 2016. Moscow: ERI RAS; ACRF; 2016. 199 p. URL: https://www.eriras.ru/files/forecast_2016.pdf (accessed on 01.05.2020).
8. BP statistical review of world energy. 67th ed. London: BP; 2018. 56 p. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (accessed on 01.05.2020).
9. Coal 2018: Analysis and forecasts to 2023. IEA; 2018. 153 p. https://doi.org/10.1787/coal_mar-2018-en
10. Spartak A.N., Khokhlov A.V. Improving methodological approaches to the analysis of Russian exports. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*. 2016;(5):3-15. (In Russ.).
11. Technological innovation, supply chain trade, and workers in a globalized world. Global value chain development report 2019. Geneva: World Trade Organization; 2019. 17 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/gvc_dev_report_2019_e_prelims.pdf (accessed on 12.05.2020).
12. Trade patterns and global value chains in East Asia: From trade in goods to trade in tasks. Geneva: World Trade Organization; 2011. 132 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/stat_trade/stat_trade_pat_glob_val_chains_e.pdf (accessed on 12.05.2020).
13. A) Lansbury R.C., Suh C.S., Kwon S.H. The global Korean motor industry: The Hyundai Motor Company's global strategy. London, New York: Routledge; 2007. 144 p. (Routledge Advances in Korean Studies. Book 10)
14. Korea Export-Import Bank 2020. Statistical data. URL: <https://www.koreaexim.go.kr/site/main/index001> (accessed on 23.05.2020). (In Korean).
15. Russian plant of Hyundai Motor Company. Hyundai. 2010. URL: <https://www.hyundai.com/worldwide/en/company/news/news-room/news/russian-plant-of-hyundai-motor-company-0000000196> (дата обращения: 23.05.2020).
16. Korgun I. Investment cooperation between Russia and the Republic of Korea during 1999-2009: Major trends and main lessons. In: Liuhto K., Sutyurin S., Blanchard J.-M.F., eds. The Russian economy and foreign direct investment. London, New York: Routledge; 2017:192-212. (Routledge Studies in the Modern World Economy. No. 161).
17. LG opens new factory in Russia. Korea JoongAng Daily. Sept. 06, 2006. URL: <https://korea-joongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=2809585&ref=mobile> (accessed on 23.05.2020).
18. Samsung plant in Kaluga to begin deliveries of washing machines to Europe. Samsung. Sept. 08, 2016. URL: <https://news.samsung.com/global/samsung-plant-in-kaluga-to-begin-deliveries-of-washing-machines-to-europe> (accessed on 23.05.2020).

19. Distribution of the smartphone market sales volume in Russia in 3rd quarter 2019, by brand. Statista. Nov., 2019. URL: <https://www.statista.com/statistics/1075459/smartphone-market-share-by-brand-russia/> (accessed on 28.05.2020).
20. Weak ruble pushes Japanese TV brands out of Russian market. The Moscow Times. Feb. 24, 2016. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2016/02/24/weak-ruble-pushes-japanese-tv-brands-out-of-russian-market-a51943> (accessed on 28.05.2020).
21. Ministry of Trade, Industry and Energy. Statistics on FDI. 2020. URL: <http://www.motie.go.kr/motie/py/sa/investstatse/investstats.jsp> (accessed on 28.05.2020). (In Korean).
22. Russia and South Korea signed an action plan on the “nine bridges” initiative. RIA Novosti. Feb. 13, 2019. URL: <https://ria.ru/20190213/1550806495.html> (accessed on 28.05.2020). (In Russ.).

Сведения об авторе

Коргун Ирина Александровна

кандидат экономических наук, исполняющий обязанности заведующего Центром российской стратегии в Азии

Институт экономики Российской академии наук (ИЭ РАН)

117218, Москва, Нахимовский пр., д. 32, Россия

(✉) e-mail: irinakorgun@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.09.2020

Подписана в печать 16.10.2020

Information about Author

Irina A. Korgun

Ph.D. in Economics, Acting Head of the Center of the Russian Strategy in Asia

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (IE RAS)

32, Nakhimovskiy Ave., Moscow, 117218, Russia

(✉) e-mail: irinakorgun@yandex.ru

Received 28.09.2020

Accepted 16.10.2020